

Глава 4

Иннокентий (Иларион Смирнов), 1819

Преосвященный Иннокентий²⁴ (1784–1819) пензенским епископом был совсем недолго – всего семь месяцев, а в самой Пензе – и того меньше: 2 марта 1819 года состоялась его хиротония во епископа Пензенского и Саратовского, приехать же в Пензу, из-за своего болезненного состояния, он смог лишь 21 июня, а 10 октября того же года он скончался. Неполных четыре месяца длилось его святительское служение на Пензенской кафедре, но и этого оказалось достаточным, чтобы он навсегда вошел в историю нашей епархии как самый выдающийся иерарх Пензенской церкви.

Чем же заслужил память о себе в сердцах не одного поколения пензенских жителей епископ Иннокентий? Делами? Вряд ли. Что можно успеть сделать за столь короткий срок, будь ты хоть самых исключительных дарований? Так чем же? Может быть, его биография даст нам ответ на этот волнующий вопрос?

Родился Иларион, как было его имя по святому крещению, в семье причетника Воскресенской церкви Павловского Посада Богородского уезда Московской губернии Дмитрия Егорова 30 мая 1784 года. С детских лет он отличался тихим нравом и смирением, за что в Московской Перервинской семинарии, куда его отдали учиться, он и получил свою фамилию – Смирнов. Может быть, именно здесь и запали в его душу слова великого учителя Церкви, Апостола Павла, писанные им к Тимофею, которые нарисовали ему образ истинного служения Иисусу Христу. До конца своих дней он помнил данный Апостолом “рецепт” праведной жизни, умещающийся в нескольких словах: “будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте” (1 Тим. 4, 12).

Продолжив свое образование в семинарии Троице-Сергиевой Лавры, он, по ее окончании в 1805 году, был оставлен в ней учителем и уже через четыре года назначен префектом (инспектором) семинарии. В том же 1809-м году Иларион стал монахом, – дабы, отрешившись навсегда от мирской суеты, пребывать ему всецело мысленно только в горнем мире.

Еще и еще повторял он слова Апостола: "...преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости; подвизайся добрыми подвигами веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван..." (1 Тим. 6, 11–12). К этому обязывало его и полученное им при пострижении новое имя – Иннокентий (в честь иркутского чудотворца), что означает невинный. Чтобы быть этого имени достойным, приходилось вести непрестанную борьбу с любыми проявлениями собственного "я" – самолюбием, самомнением, самоугождением. Помогало ему в этом постоянное обращение к Господу нашему Иисусу Христу. "Имя Иисуса Христа, как пламенное оружие в руках серафимов, ограждает нас от нападения искушений. Пусть это одно неоцененное великое имя пребудет в сердце нашем. Пусть это имя будет и в уме, и в памяти, и в воображении нашем, и в глазах, и в слухе, и на дверях, и на празе, и за трапезой, и на одре. Оно укрепит ум наш на врагов и, подавая вечную жизнь, научит нас мудрости без всякого мудрования", – учил он тех, кто обращался к нему за помощью в своей борьбе со страстями. И сам всегда помнил об этом и жил этим, "укрепляясь в благодати Христом Иисусом" (2 Тим. 2, 1), как заповедовал своим последователям Апостол Павел.

13 октября Иларион Смирнов принял ангельский образ и встал, теперь уже как Иннокентий, на новую ступень лестницы, приближающей его к Господу. Ровно 10 ступеней, длиной каждая в один год, отделяли его от того мира, куда он непрестанно стремился всей своей душой. Только 10 лет, день в день, дано было его брэнному телу пребывать еще на этой грешной земле.

"Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно, ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя" (1 Тим. 4, 16), – говорил Апостол Павел. И Иннокентий следовал сему наставлению: учился сам и учил других – вначале в семинарии, а с 1810 года – будучи игуменом Угрешского Николаевского, а затем Московского Знаменского монастыря. Молва о Иннокентии дошла до столицы. В 1812 году его возвели в сан архимандрита и назначили инспектором Петербургской духовной академии, где он в качестве бакалавра богословских наук стал читать церковную историю. В следующем году он уже ректор Петербургской духовной семинарии, профессор богословских наук и член Комитета духовной цензуры.

Занятия в академии по богословию и церковной истории отнимали у него все силы и вконец подорвали его здоровье, и без того истощенное аскетическим образом жизни, который он вел, чуждаясь мирских удовольствий.

И снова не раз вспоминал он слова апостола Павла, говорившего: "Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины" (2 Тим. 2, 15). Как лучше пре-

подать слово истины своим семинаристам? Как сделать им понятней уроки богословия? За этими размышлениями проводил Иннокентий бессонные ночи, готовя свои лекции, стоя у аналая. Как-то, заработавшись допоздна, он решил немного отдохнуть и тут же, у аналая, прилег на пол, рассчитывая, что такое неудобство не даст ему проспать до утра. Действительно, вскоре он проснулся, закончил свои записи, но, после такого “отдыха” на полу, простудился, и с тех пор и без того ослабленное его здоровье стало все более ухудшаться. Результатами же его ночных бдений, кроме обычных лекций, явились такие работы, как “Богословие деятельное”, “Опыт изъяснения первых двух псалмов”, “Изъяснение Символа веры”.

К его болезни добавилось и постоянное переутомление, которое он испытывал, готовясь к лекциям по церковной истории. Не удовлетворенный иностранными источниками по этой теме, он снова решил писать свои собственные лекции, в результате чего им был подготовлен капитальный труд, изданный в 1817 году под названием “Начертание Церковной Истории от Библейских времен до XVIII века”. Эта книга впоследствии неоднократно переиздавалась и долго служила единственным учебным пособием по данному предмету.

Но не это считал Иннокентий своей главной обязанностью, оправдывающей его земное существование. Быть проповедником Слова Божия – вот та цель, ради которой стоило жить. Именно здесь со всей силой и проявился данный ему от Бога талант. Красноречие, доходчивость его проповедей и сами по себе уже убеждали слушателей. Но еще большее воздействие на них оказывала та внутренняя сила, которой было пропитано каждое слово Иннокентия. Сила, которая черпалась в Православии и которая была направлена прежде всего на защиту Православия. На защиту от западных религиозно-мистических учений, которые широко распространились в начале XIX века в русском обществе, начиная от самого императора Александра I и его ближайшего окружения.

Чем страшен был хлынувший в Россию с Запада массой переводных сочинений мистицизм? Прежде всего тем, что он уводил от православной веры и от Православной Церкви, подменял в человеке душеспасительное чувство собственной греховности на чувство своей исключительности, особой богоизбранности, подтверждение которой пытались найти в общении с потусторонним миром напрямую, посредством спиритизма, магии, впадения в религиозный экстаз. Это экзальтированное ожидание чудес и видений уводило своих последователей от истинного вероучения, от Церкви, от покаяния за содеянные грехи. Другим разрушителем православной веры, расшатывающей ее основы, покушавшейся на проверенный столетиями строй русской церковной жизни, с ее догматами, иерархией и обрядностью, выступил всюду проникающий яд протестантских вероучений.

По поводу одного из новомодных сочинений Иннокентий в отчаянии восклицал: “Слёз не достанет у всякого любомудрого и доброго человека оплакивать раны, кои сия нечестивая и совершенно бесова философия может сделать в умах и сердцах, есть ли токмо будет чтома и преподаваема в школах”. И далее он говорил, что она вся состоит “из нездравых, нечистых мудрований, дерзких, хульных, вольных против Бога, веры Христовой и Духа Святого, против Церкви, и всех святых таинств и преданий, против властей и всякой истины... В писаниях такого рода под мудростию содержится безумство, под словом спасения – пагуба, под именем духа Христова – антихристов вражий и учение ложное; там ве-ра – неверие, благочестие – есть нечестие, свет – тьма, сладость – горечь...”

В распространении мистических идей, наряду с огромным числом переводной литературы (в основном с английского языка), особую роль играл религиозно-нравственный журнал “Сионский вестник”, издаваемый известным мистиком и масоном А. Ф. Лабзиным. Этот журнал, ставший одним из самых популярных изданий среди образованной части русского общества, освобожденный от всякой цензуры, был подконтролен лишь министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицыну, другу издателя. Также склонный к мистицизму, А. Н. Голицын, благодаря своей дружбе с императором и своему служебному положению, всячески способствовал насаждению мистицизма в различных слоях русского общества, – как через свои ведомства, в том числе и через учебные заведения, так и через Библейское общество, президентом которого он являлся, созданное для перевода Библии на русский и другие языки России и для ее распространения в народной среде, а на деле занявшееся и широкой пропагандой мистицизма под руководством английских пасторов.

Вот против таких сильных противников, в своей борьбе за чистоту православной веры, и решил выступить архимандрит Иннокентий, прекрасно понимая, чем все это для него закончится. Прежде всего удалось добиться учреждения цензуры над главным рупором мистицизма – “Сионским вестником”, а затем и вовсе запретить его печатание. Но попытка образумить самого Лабзина ни к чему не привела. Более того, тот стал хлопотать о возобновлении выхода своего издания. Тогда Иннокентий обратился в 1815 году с письмом к А. Н. Голицыну, указав на те, пагубные для православного сознания, заблуждения, которые распространял своими статьями “Сионский вестник”, призывая князя “залечить раны, которыми он сам уязвил Церковь”. Такое обвинение не могло пройти для Иннокентия даром. Голицын представил письмо Иннокентия на суд Санкт-Петербургского митрополита Михаила (Десницкого), который посоветовал Иннокентию извиниться перед князем. И хотя примирение состоялось, и князь вроде бы был удовлетворен, но, как оказалось, затаил на Иннокентия зло, решив при первом удобном случае избавить столицу от такого ревностного служителя Церкви. И повод вскоре нашелся.

Епископ Иннокентий (Смирнов)

Дело в том, что Иннокентий, как член Комитета духовной цензуры, рекомендовал в 1818 году к печати книгу Е. И. Станевича “Беседа на гробе младенца о бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и Церкви”, направленную против религиозно-мистического движения, а следовательно, и против самого Голицына, который смог усмотреть в ней якобы превратно истолкованное понятие о Церкви. Обвинение, конечно же, было надуманным, свидетельством чего явилось снятие запрета на печатание данного сочинения всего лишь спустя шесть лет. Автора книги было велено выслатить из Петербурга в 24 часа, о чем Иннокентий очень сожалел, понимая свою невольную причастность к такому несправедливому решению. Эта же участь вскоре постигла и самого Иннокентия, который, предвидя такое развитие событий, говорил: “...я как сор петербургский, как умет духовный должен быть выброшен из Петербурга. Если и то угодно Господу, то, верно, к пользе общей, других и моей...”

Однако, учитывая положение Иннокентия и его известность в петербургских кругах, его удаление из столицы решено было облечь в форму повышения по служебной линии, – с возведением в сан епископа и назначением в какую-нибудь удаленную епархию. Но и в этом положении Иннокентий, покорно относящийся к собственным невзгодам, смог найти утешение своей душе. И не просто утешение, а неподдельный восторг по поводу предстоящего назначения: “Я раб недостойный, а почтен святейшим саном!” – восклицал он со слезами на глазах и возносил благодарственные молитвы Пресвятой Богородице и Спасителю: “Чертог Твой вижду, Спасе мой!..”

С подачи князя Голицына, император, в нарушение церковных правил, без предварительного синодального избрания Иннокентия в качестве кандидата на архиерейскую кафедру, 25 января 1819 года самостоятельно вынес решение “быть епископом Оренбургским архимандриту Иннокентию, ректору С.-Петербургской семинарии, коего Св. Синоду и посвятить”. Выбранное для почетной ссылки место в далекой Оренбургской епархии, с суровым климатом, было чревато для слабого здоровья Иннокентия самыми серьезными последствиями. В это же время открылась епископская вакансия в Пензе – после увольнения на покой епископа Афанасия. Сторонники и друзья Иннокентия не приминули воспользоваться такой возможностью, чтобы хоть как-то облегчить участь опального борца против мистицизма. Митрополит Михаил, мотивируя свою просьбу болезненным состоянием Иннокентия, предложил переместить его на Пензенскую кафедру. Не побоялся поддержать митрополита и обер-прокурор Св. Синода князь Петр Сергеевич Мещерский, находившийся в непосредственном подчинении у министра духовных дел А. Н. Голицына. Когда на передний план выходят чувства дружбы и справедливости,

забывают, порой, и о собственной карьере. Именно это и заставило, по-видимому, обер-прокурора самому выступить в защиту Иннокентия, настроив на то же и Святейший Синод. Может быть, принятию им такого решения способствовала и жена его брата, майора Ивана Сергеевича Мещерского, – Софья Сергеевна (р. Всеволожская, 1775–1848), являвшаяся духовной дочерью Иннокентия, которая одно время пользовалась особой благосклонностью Александра I. Свободная, надо думать, не без влияния своего духовного отца, от мистических воззрений, она была известна своими сочинениями духовно-нравственного содержания, в основном переводами. Начав печататься с 1813 года, она выпустила за свою жизнь 93 книги и брошюры общим тиражом 400 тысяч экземпляров. В 1830-х годах являлась председательницей попечительских комитетов о тюрьмах Санкт-Петербурга. Именно из ее переписки с Иннокентием нам и стали известны некоторые подробности его пензенского периода жизни²⁵. Иронией судьбы, ее сестра – Анна Сергеевна Голицына (1774–1838), бывшая замужем за адъютантом великого князя Константина Павловича камергером Иваном Александровичем Голицыным (четвероюродным братом министра духовных дел), напротив, была одной из главных деятельниц мистического движения в России в 20-х годах XIX века.

Итак, вопреки первоначальной воле императора и желанию князя Голицына, 22 февраля 1819 года состоялось назначение Иннокентия на Пензенскую кафедру, 27 февраля – его наречение во епископа в Святейшем Синоде, а 2 марта – посвящение в этот сан в Петербургском Казанском соборе.

Но прежде чем прибыть в Пензу, ему еще предстояло отправиться в первопрестольную для рукоположения архимандрита Донского монастыря Феофила во епископа Оренбургского. Совершенно больным приехал он в Москву, и как он сам писал: “Един Господь дал силы совершить такое великое дело. Зрители сомневались, совершу ли начатое. Я сам и трепетал, и был в полуобмороке, и надеялся, и чуть веровал милости Господа... По окончании литургии едва добрался до кареты, и чуть помню, как возвратился в квартиру, где и лечусь. Пока не выздоровею, в Пензу не поеду; пусть как хотят о том судят”.

В Пензу Преосвященный смог приехать только 21 июня 1819 года и сразу же, наскоро облачившись в Николаевской церкви в архиерейские одежды, под колокольный звон направился в расположенный неподалеку кафедральный собор, где его с нетерпением ожидало духовенство и паства. Но радость от встречи своего архипастыря смешалась у них с грустью при виде его болезненного состояния, свидетельствующего о тяжелом недуге, снедающем последние силы у этого, совсем еще молодого человека.

К этому времени архиерейский дом, простоявший полгода без хозяина, представлял собой печальное зрелище. По словам Иннокентия, он походил на худой трактир: “у дверей нет ни замков, ни ключей – все обломано; обои в покаях инде

оборваны, инде замараны, закопчены; полы так плохи, что когда пойдешь на один конец залы, на другом поднимаются, везде скрипят; стекла закопчены и составлены из малых и битых клочков. А крыльцо! Но эта вещь не для жилья. Третий этаж с полами и с потолками провалился. От дождей теча была во второй этаж”. Такого даже Иннокентий, привыкший довольствоваться малым, не ожидал увидеть. Но... “Сперва пороптал, теперь привык, теперь благословляю Господа моего, – писал он княгине Мещерской, – понемножку поправляю: в третьем этаже делают полы и потолки, а второй отделывать откажу до удобности, пока сколько-нибудь скопится домовых денег”. Итак, дом требовал безотлагательного ремонта, архиерейская же казна была пуста, отчего поселиться ему пришлось пока на частной квартире. Однако если без своего жилья на первых порах еще и можно было обойтись, то без молитвы – просто невозможно. Поэтому неустанный молитвенник Иннокентий и начал обустройство архиерейского дома прежде всего с ремонта крестовой церкви, находившейся на третьем этаже в южной части здания.

Следующим шагом было знакомство его с духовенством и храмами подведомственной ему епархии. И то, что он здесь увидел, поразило его: “Самая Пенза имеет только семь приходо́в... Жаль очень, что здесь в церквях очень мало книг, необходимых к поучению! Скучность, достойная сожаления: многие церкви не имеют Библии, ни даже книг, которые составляют круг церковный. Риз всего три или четыре, из которых одни шелковые, прочие ситцевые или холщевые. Украшения почти нет никакого”. И это в губернском центре! А что же приходилось ждать от уездов? Для обозрения отдаленных мест своей епархии епископ Иннокентий решил предпринять путешествие, заодно побывав и в Саратове. Но вскоре по приезде туда болезнь свалила его, и он, пролежав две недели в постели, совсем уже без сил и опасаясь самого худшего, возвратился в Пензу, где снова слег и больше не поднялся...

Прирожденная кротость Иннокентия, еще более усиленная его болезненным состоянием, вводила многих священнослужителей, надеявшихся получить выгодное для себя место, в заблуждение. При назначении их на вакантные места Иннокентий руководствовался только интересами порученной ему миссии – быть устроителем Пензенской Церкви. Поэтому он лично экзаменовал всех кандидатов, поражаясь тому, что многие из них не знали даже самых элементарных вещей: “не знали, что есть Святая Троица, что такое молитва, о чем молиться, что такое Символ Веры”. И здесь, как когда-то в Петербурге, он продолжал радеть за чистоту православной веры, врагом которой на этот раз был не мистицизм, а самое обыкновенное человеческое невежество, тем более опасное, что исходило оно от тех, от кого в первую очередь зависело – найдут ли души их прихожан путь к Господу или же заплутаются в потемках со сво-

ими пастырями, не способными осветить их путь светом истины. Но отказывая таким священнослужителям от места, Иннокентий искренне скорбел по поводу того, что вынужден огорчать просителей, и всеми силами побуждал их к осознанию высокого предназначения священнического служения. Во всех его отношениях с окружающими его людьми чувствовалась большая любовь, которая только и возможна от осознания собственного недостойнства. Да, да. Являющий пример для других своей безупречной жизнью, Иннокентий постоянно ощущал свою греховность и постоянно приносил Богу покаяние, которое, равно как и смирение, он считал главными душеспасительными проявлениями человеческой личности.

Чем меньше становилось у Иннокентия физических сил, тем более он возвышался духовно. Особенно заметно это было во время богослужений, когда, отрешаясь от всего земного, он настолько погружался в молитву, что забывал обо всем на свете. Как-то во время службы в крестовой церкви, после Херувимской песни, случилось всеобщее смятение – загорелась сажа в трубе, отчего дым наполнил архиерейский дом, и лишь один Иннокентий ничего не заметил, словно он находился и не на земле уже, а на пороге небесного чертога.

Последние его дни добавили ему невыносимые страдания. Прикованный к постели, мучаясь от нестерпимых болей, он, однако, благодарил Господа, что Тот послал ему новые испытания, ибо, как он считал, теперь только страданиями и мог искупить свои грехи, ощущение которых не покидало его до самой смерти.

Наступил последний день в его земной жизни – пятница, 10 октября. Будучи в полном рассудке, Иннокентий стал готовиться к отходу в вечность. Во время совершаемого над ним чина елеосвящения, он еще находил в себе силы повторять читаемые над ним молитвы. Затем сложил на груди крестообразно руки и на последних словах 54-го псалма Давидова: “...Аз же, Господи, уповаю на Тя”, – испустил дух. Упокой, Господи, его смиренную душу!

Жители Пензы сразу поняли, что означают удары соборного колокола в столь неурочный час – четверть седьмого пополудни остановилось сердце горячего любимого их архипастыря. 13 октября гроб с телом епископа Иннокентия перенесли из крестовой церкви в кафедральный собор, где после Божественной литургии, совершенной пребывавшим на покое епископом Афанасием, состоялось погребение почившего архипастыря.

Похоронили его в приделе святой великомученицы Екатерины, в особой усыпальнице, вход в которую был сделан снаружи, с южной стороны собора. В 1882 году перед входом в усыпальницу на средства известной пензенской благотворительницы Марии Михайловны Киселевой соорудили небольшую церковь, освященную 19 декабря того же года во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии, день памяти которых – 10 октября – совпадал с днем смерти Иннокентия. А над самим гробом епис-

копа графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской, той самой, которая так трогательно ухаживала за больным Иннокентием в Москве, был установлена мраморный памятник.

Прощаясь в день погребения со своим духовным наставником, никто из пензенских жителей, конечно же, не помнил, да и, скорей всего, никто и не знал, что Господь сподобил родиться Иннокентию в монашеском образе ровно за 10 лет до этого печального события – 13 октября 1809 года. И, может быть, только для того, чтобы дать Пензенской земле такого молитвенника, вся жизнь которого была – лишь восхождение к одной вершине, имя которой – Бог. Господь показал нам тот высочайший образец совершенства человеческого духа, который можно достичь, лишь всецело посвятив его собственному Творцу. И, быть может, не случайным было и такое короткое служение Иннокентия на нашей земле: уж слишком резкий контраст составлял он с теми, кого должен был духовно наставлять и исправлять. Вспомним его собственные слова по отношению к пензенским жителям: “Здесь суэта та же самая, что в С.-Петербурге. Гордость пензенская не уступит никакой: страсть сердца, как исполин, везде ходит и действует по-исполински”. Так, может, Господь и не дал ему увидеть той черной неблагодарности, которая рано или поздно могла излиться на ссыльного и опального епископа из этих, наполненных исполинской страстью и гордыней, сердец? Но зато Он дал возможность излить на пензенских жителей, по молитвам рано ушедшего от них святителя Иннокентия, стоящего перед престолом Божиим, Свою благодать, что проявилась во множестве случаев исцелений на гробе епископа Иннокентия. И это заступничество Иннокентия перед Господом за пензенских жителей привело к тому, что и спустя десятилетия после его смерти наш земляк Г. И. Мешков смог сказать о нем следующее: “...благоговейное уважение жителей города к памяти почившего архипастыря так неизменно и так велико, что не проходит почти ни одного дня, чтобы вследствие этого уважения, переходящего, как будто наследственно, от родителей к детям, кто-либо не просил отслужить над гробом Преосвященного панихиду”.

И вполне естественно, что итогом такого поклонения своему бывшему архипастырю явилось заявление, поступившее на имя городского головы от лица сотен пензенских жителей, зачитанное им в специально посвященном этому вопросу заседании городской думы от 24 ноября 1915 года: “Благочестивая жизнь и молитвенные подвиги приснопамятного святителя пензенского Иннокентия, честные останки которого покоятся при кафедральном соборе, еще при жизни его вселили в жителях веру в

Вид на Спасский кафедральный собор с юга.
Справа видна пристроенная к приделу
святой великомученицы Екатерины
церковь во имя мучеников Евлампия и Евлампии

него, как молитвенника и предстателя пред Богом. А затем, чудесная помощь, получаемая многими гражданами, обращающимися к святителю с молитвенными просьбами, а также нетленные останки, почивающие в соборе, окончательно убеждают жителей г. Пензы в святости епископа Иннокентия. Вера эта живет не только в жителях Пензенской епархии, но и далеко за пределами губернии. Многие чудеса удостоверены свидетельскими показаниями, биографии святителя с описанием этих чудес печатаются во всех духовных журналах.

Все это, вместе с непрекращающимися и в настоящее время случаями чудесной помощи по молитвам святителя Иннокентия, побуждает нас, его почитателей, просить Вас, милостивый государь, как представителя городского самоуправления, возбудить надлежащее от имени последнего ходатайство пред Святейшим Синодом о причислении епископа Иннокентия к лику святых и об открытии его святых мощей для всенародного поклонения". Городская дума, присоединившись к этому заявлению, вынесла решение от своего имени обратиться в соответствующие инстанции. Но, к сожалению, начавшаяся вскоре в России смута не позволила довести этот вопрос до логического завершения.

Пензенская земля так и не получила своего первого святого. И, как показали, последующие события, – не случайно. В 1934 году собор, в котором почивали останки епископа Иннокентия, а также еще четырех епископов – Афанасия, Амвросия 2-го, Григория и Антония 2-го, был взорван. Затем его руины сровняли с землей, разбили над прахом пензенских архипастырей сквер и проложили, прямо над их могилами, пешеходную дорожку, словно приглашая всех жителей осквернить покоящийся под ней прах святителей.

И лишь совсем недавно, в августе – сентябре 1998 года, в результате двухмесячных поисков, начатых с благословения Высокопреосвященнейшего Серафима, архиепископа Пензенского и Кузнецкого, останки всех пяти архипастырей были вновь обретены и перезахоронены.

Дай Бог, обрести нам теперь и своего святого – молитвенника и заступника за землю Пензенскую и ее православный люд перед Господом.

